

Наталья Беззубенко

ЛЯВЛЯ

Наталия Беззубенко

Лявля

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66555858

SelfPub; 2021

Аннотация

Лявля – тихая деревушка, затерявшаяся в глухomanных лесах и болотных топях. Здесь по соседству с человеком обитают Домовой и Болотная Кикимора, Аука и Кумушница, Навки и Лесавки. Лявля настороженно встречает чужаков. И для Ленки, попавшей сюда не по своей воле, исключений из вековых правил не будет. Рассказ.

Наталия Беззубенко

Лявля

Мать крепко держала Ленку за руку на перроне, не вырвешься, и та поскуливала так, больше для проформы. Мамаша не спала целую ночь и прокурила всю их крошечную кухню. Спозаранку покидала в дерматиновый чемоданчик Ленкины пожитки и отперла вместе с ней на вокзал.

Верхняя полка плацкарта. Разбитая колымага – мать сторговалась с хмурым дядькой в кепке на двести – прыгала на всех кочках, Ленка насчитала сто двадцать три кочки, а потом ей стало скучно. И наконец – деревенская глухомань.

Около деревянного домика с резными наличниками машина решительность поубавилась, и мать несколько минут переминалась на пороге. Ленка успела за это время подергать толстого полосатого кота за хвост и получить когтистой лапой по руке, оторвать голову мохнатой гусенице и подбросить ее жирному воробью, приметить зеленую муху, увязшую в кружевной паутине и почти освободить ее. Но тут дверь распахнулась сама.

– Что на пороге стоишь – беду в дом напустишь, – раздалось сухое карканье из темноты. – Заходи.

Ленка услышала глубокий материнский вздох, и они вошли в низкий дверной проем. В сумрачном коридоре она скинула промокшие в утренней росе кроссовки и направи-

лась по коридору вслед за матерью:

– А ну, стой, – скрипучий голос напал от куда-то слева. – Разуйся как следует!

Ленка таращилась в темноту, все же чин чинарем: на резиновом коврике демиксы ее валяются. А тапки ей никто и не предложил.

– Нельзя ботинки носами к выходу! Переверни!

Ленка повиновалась и потрусилась за матерью. Та уже сидела в светлой комнатке за круглым столом с белоснежной скатертью и вытаскивала сигарету из пачки.

– Не курят здесь, али забыла? Что надо?

Бойкая мать непривычно мялась и напоминала ей саму себя, когда строгая завучиха Наф-нафыч (Никонова Анна Федоровна) отчитывала ее за сломанный стул. А она что, виновата разве? Кондрашова-Кондрашка назвала ее алкашкиной дочкой, пришлось вмазать как следует, чтоб не забывалась, а дура эта жирная на стул грохнулась – и все, хана стулу. Ленка повернулась к хозяйке и обомлела: настоящая Баба-яга из сказки. С косматой седой косой, с жирной бородавкой на щеке и в черном балахоне. И еще она была старая, ну, лет пятьдесят!

– Проведать тебя решили, Леночку тебе показать, гостинцы привезли вот...

Леночку? Девочка мигом насторожилась, намечался какой-то кипиш, то Ленка, зараза, тварь неблагодарная, а тут – Леночка. И какие гостинцы, чего мать несла? Это ее протер-

тые колготки или недоеденный батончик «Марса» в поезде – гостинцы?

Старуха потянула носом воздух:

– Не юли, говори, что надо. С утра в доме мятой пахнет – к обману, примета верная.

Ленка втянула воздух, правда, травой воняло, но всяко лучше, чем последнего мамкиного хахаля сигарки – от тех так перло, аж глаза чесались.

– Пойдем на кухню, – и они вышли.

Вот теперь и оглядеться можно. В комнате было что-то такое, из старых мультиков. Железная кровать с кучей расшитых подушек и лоскутным одеялом. Ленка плюхнулась на нее, и пружины жалобно закрипели. Вот бы посигать на ней, но старая услышит и точно отчешет, нельзя. Ковры – над кроватью с оленями и на полу с завитками. Допотопный шкаф с посудой и фигурками на стеклянных полках. Ленка хотела вытащить статуэтку сутулой собаки, но, покосившись на дверь, передумала. На бревенчатых стенах фотографии незнакомых людей с грозными лицами и сухие веники, повязанные цветастыми ленточками. Девочка отломала от одного былиночку, понюхала и пожевала – дрянь дрянью.

– ... обстоятельства... – доносилось из-за закрытой двери.

На одной фотке была красавица в белом платье с длиннющими, как у Рапунцель, волосами. И еще она напоминала русалку с венком цветочным на голове. И чего она здесь висит – среди дядек с мохнатыми усами и теток с мертвыми

взглядами?

–... нищету плодить? Это не грех? – взвизгнула мать, ее перебил размеренно-спокойный бубнеж бабки.

Вдруг Яга эту Рапунцель съела? Ленка боязливо зыркнула на печку в углу. А себе на память фотку оставила? Девочка залезла на шаткий стул с жестким сиденьем, сняла рамочку с фотографией с гвоздика.

–... конец четверти, со школой договорюсь, они рады только будут избавиться...

Вблизи незнакомка показалась еще прекрасней. Вот бы ей хоть чуток на эту походить, тогда бы Валерка не дразнил ее лягухой-квакухой. И все из-за здоровенского рта. Может, у старухи попросить заколдовать ее? Чуть-чуть?

Вдруг по ровной бревенчатой стене прошла рябь. Два соседних бревна раздвинулись, и оттуда вылезла мохнатая рука с толстыми сардельчными пальцами. Одна сарделька с зеленюшным ногтем погрозила ей и нырнула обратно в стену. Это ж надо! Ленка полезла в карман за телефоном, пристроив рамку с фоткой под мышку. В следующий раз она не оплошала и сделала пару снимков. Ну вот, теперь и на своей страничке можно что-то стоящее разместить, не все ж облезлых дворовых котов постить – тут много лайков не насобираешь. Но никакой волосатой лапищи на экране не было! Че за дела? Тут ее слегка ущипнули за шею, потом ошутимо дернули за волосы. Ща кто-то огребет! Она поудобнее схватила тяжеленную сковородку, забралась на стул и притаилась. Че-

рез несколько секунд по-животному взвыл весь дом – Ленка шарахнула со всей силы по появившейся в щели пятерне.

– Верни вещь на место! – грозный окрик, как ураган, сдул ее на дощатый пол, прямо к ногам матери.

– Ну все, доча, давай прощаться! – мать привлекла ее к себе, вмяла в пропитанную приторными духами кофту. – Веди себя прилично. Слушайся Алевтину Петровну!

Оттолкнула и быстро пошла к выходу.

Стопэ! Чегой-то она должна с этой бабкой оставаться? Да она ее сожрет, как ту красавицу с фотографии. Зажарит, как Ивашку, в печи, а косточки коту дикошарому скормит. Замурует, как того, волосатого, в стену. Она прям так и выпалила матери. Та грустно улыбнулась на пороге и сказала:

– Не сожрет. Лена, это твоя бабушка.

И пока у Ленки отвисала челюсть, быстро захлопнула за собой дверь.

Бабушка?! Так это в корне меняло дело! Бабушка! Хорошо бы, конечно, как у Аньки Петровой, бабушку. Вся на стиле, ногти здоровенские с бабочками, стрижка, как у Марго Робби из «Соседей», на красной тачке Аньку из школы забирает. Или у Любки Глухаревой – бабушка бутик со шмотками в ТЦ держит, Любке всегда заграничное к праздникам перепадает. И вообще замуж собралась летом, так что скоро Любка еще и дедушкой обзаведется, а тот пиццерию в центре держит. Будет Любка всегда пиццу пожирать, бесплатно. Ленка огляделась по сторонам – может, к бабушке еще и де-

душка какой захудаленький прилагается?

– Ты, значит, Лена. На меня похожа, – Алевтина Петровна забрала из ее рук русалочью фотографию и вернула на место.

Это что же – она на эту сушеную вобл... старушку похожа? Ленка украдкой взглянула в зеркало, нет, все на месте. И здоровый рот, и оттопыренные уши. Шутит, старая.

– Садись, поедим и навок кормить пойдем.

– Кого? Куриц, что ли? – она заприметила курятник на участке.

– Навки – это лесные духи. Сегодня четвертый день после новолуния, их жажда мучит. И Кумушнице надо веноч из чертополоха и крапивы сплести, над порогом повесить. Чтобы на тебя плохих мыслей и переживаний не насылала.

Это бабулька зря тревожилась, отродясь Ленка переживательной не была, мать всегда так и говорила: «Тебе, Ленка, все хрен по деревне, хоть бы из-за четвертных своих побеспокоилась!»

– И Постеня задобрить нужно. Обидела ты его крепко.

– Постеня? Вот этого волосатого?

– Это Домовой, – прозаично сказала бабка, как будто речь шла об обычном кухонном таракане.

– Я обидела?! А чего он... щиплется.

– А чего ты вещи чужие в руки берешь? Он за домом приглядывает, за порядком. От чужаков жильё оберегает. Значит, так, – категорично произнесла старушенция, – бери кусок хлеба, клади на блюдец, ставь в угол за печкой и приго-

варивай: «Сударь домовой, меня полюби да угощение мое прими!» Запомнила?

– Это че? Прикол? – бабуля, похоже, с прибабмахом ей досталась.

– Житья Постень тебе здесь не даст, если не подружишься с ним, – в подтверждении ее слов в Ленкиных руках с хрустом треснула чайная чашка. – Вот, он чередит. Не поранилась?

У Ленки мозг чуть не взорвался, столько правил у бабки оказалось. Мусор после заката не выноси – домовой обидится. Если вернулся, смотри в зеркало, – иначе Безымень явится, ума лишит. Дома свистишь – богатство проглядишь. Вилка или ложка на пол упадут – отстукни, иначе упырь в дом пролезет. Одежда наизнанку – русалки защекочут, но за праздничным столом можно – от сглаза...

Старуха налила себе в стакан вонючего отвара, и Ленка выпалила:

– А сеть-то тут есть?

Бабка прищурилась:

– Тебе какая надобна?

– Явно не рыбу ловить. Фильмы смотреть, песни, там, слушать, с девками переписываться.

– Во-первых, не с девками, а с девочками. Во-вторых, сеть есть, но другая. Ты ее должна сама почувствовать. Одевайся, в лес пойдем. Да волосы прибери, сейчас ленту дам. Болотница простоволосых не жалует. Завидует, – чему-то усмехнулась она.

Все, тухляк, поняла Ленка. Интернета нет, связи (она украдкой взглянула на дисплей) тоже нет. Попремся в лес комаров кормить и грибы отыскивать. Пирог, конечно, с сырниками вкуснющие у бабки. И не орет никто, не обзывается. Но долго она здесь не протянет.

Старуха ходила по комнате и бурчала под нос скороговоркой:

– Поиграй-поиграй и отдай! Поиграй-поиграй, Домовой, и отдай.

– Чего?

– Это я с Домовым. Лента куда-то запропастилась.

– У меня резинка есть с блестками, – примирительно сказала Ленка, на сытый желудок спорить не хотелось, и можно было смириться с существованием нечистой силы или съевшей кукухой у бабки.

– Резинка не пойдет. Лента нужна. Да вот же, – она вытащила синий моточек из-под толстой книги. – Спасибо, Домовой.

Бабка повела ее к задней калитке. Ленка внутренне приготавливалась ко всякому: частокол из человеческих костей и черепов – вместо обычного дощатого забора, скелетная рука – вместо железного запора, зубастый рот – вместо замочной скважины. Но все оказалось обычно, а потому неинтересно.

Прямо за калиткой начинался бескрайний лес. Пахло хвоей, смолой и грибами. Протопанная дорожка вела их по густому ельнику. В ушах надрывалась Билли Айлиш, и жизнь

показалась Ленке почти сносной.

– Затычки свои из ушей вынь, – грозно приказала ей бабка.

Ни фига себе, затычки, это самое ценное, что имелось у Ленки – айфоновские наушники. Подарок дяди Паши, предпоследнего мамино ухажера. Просто так отдал, трещинка на корпусе образовалась. И она послушно убрала кремовую коробочку с драгоценностью – пусть и не последняя модель, но свои! – в карман толстовки.

– Слушай! – раскомандовалась старуха.

Ну, слушает. Птица орет, ветки под ногами хрустят, комары в уши жужжат, один за лоб уже жажнул, вода далеко журчит. Лес как лес.

– Слушай! Слушаешь, а не слышишь! Ты не можешь быть глухой! – старуха злилась. Чего доброго, бросит в этой чаще, и поминай, как звали.

Ленка покорно закрыла глаза, решила постоять так истуканом минут десять, глядишь, старушенция и отстанет... Справа под опавшей листвой кто-то шебуршался. Она пригнулась и разглядела: копошились дымчатые лохматые клубочки. Носа коснулась паутинка.

– Ежики? – один подкатился поближе и потерялся о ее штанину.

– Лесавки, – одобрительно кивнула бабушка. – Незлобный дух. Труху на голову посыплет или паутиной обмотает. Если скажет родитель своему ребенку: «Черт бы тебя побрал!»,

тут же Леший заберет себе дитя и обратит в Лесавку. Еще!

Еще... Еще впереди звенело малюсенькими колокольчиками. Лена увидела тонкие струны, они тянулись повсюду: от елочки к кустику, от кустика к березке, от березки к кочке. И на этих ниточках, как нотки, качались маленькие существа со стрекозиными крылышками и пчелиными глазками. Лена протянула руку и дотронулась до струны, та мелодично запела, создание тоже начало издавать такой же звук.

– Ты их видишь? – прошептала бабушка.

– Жучков на ниточке?

– Это навки, души умерших.

– Это которых жажда мучит? Поэтому у них глазки такие яркие?

– А ты внимательная, – от похвалы девочке стало неожиданно приятно. – Видишь, тельце у них человечье, а со спины все внутренности видны?

У одной из навок хищно клацнули челюсти – пролетающего мимо комарика как не бывало. У Лены все сжалось внутри, хорошо рукой схватить не успела за прозрачные крылышки:

– А они опасные... для человека?

– Сейчас гвоздики сушеной с черемшой им посыплем, и не опасны станут. Голодная навка может, конечно, к человеку присосаться, тут одежда с вышивкой из охранительных узоров поможет. Вот у меня в узелке порошок заготовлен, поди пока веток сухих набери.

Вот так всегда: сгоняй-принеси-подай. Она показно вздохнула, кто-то вздохнул рядом с не меньшим чувством.

В отдалении у разлапистой елки стоял огромный гриб – пузатенький, румяный старичок с надутыми щеками – и махал ей. В руках держал коробочку, сначала Ленка не узнала, а потом... коробка с яблочным планшетом! Зачем деду в лесу дорогая техника? Модель хоть какая? Она сделала шаг в его сторону, но гриб переместился за чахлый кустик. Ленке привиделась его лесная избушка, проконопаченная золотым мхом, а в ней сотни, нет, тысячи новеньких серебристых планшетов. Один, может, и ей перепадет – от дедка не убудет. «Угощать лесных жителей надо, не скупись», – вспомнились ей напутственные бабкины слова. Ленка порылась в сумке, нашлось печенье.

– Эй! Как тебя там? Хочешь галет?

– ... планшет, – отозвалось из-за кочки.

Ленка рванула к кочке, по дороге запнулась новенькой кроссовкой за корягу (на белоснежной коже осталась уродливая полоса) и зло подопнула подгнивший ствол. Деда-гриба на прежнем месте уже и след простыл.

– Так будешь или нет?

– ... планшет, – раздалось откуда-то из-за хилых березок и осинок. Ковер из мягкого мха пружинил и чавкал. Откуда-то выплыло рваное туманное облачко, за ним маячила грибная шляпа. Ее нога провалилась в черное оконце с вонючей водой, белый носок моментально промок.

– Зараза! – Ленка оценила ущерб. – Да сдался ты сто лет!
– ... планшет, – насмешничал противный старикашка.
– И планшет твой на фиг!

Туча мелких мошек вилась около лица. Воняло сыростью и гнилью. Мешались ватные завесы тумана. Еще и ноги по самые щиколотки проваливались в вязкую жижу – конец кроссовкам. Оконцев стало еще больше. Куда дальше? Она всхлипнула:

– Эй, старикан, где ты? Ты зачем завел меня в болото?

Закрякала утка, забулькал тетерев, заревела корова, завыла собака. И снова тишина, только болотная протухшая каша причмокивала с аппетитом. Рядом тоненько захихикали. На ковре из беленьких цветочков с желтыми сердцевинами сидела женщина. Странная, конечно. Тело тонкое – а еще Ленку мать называла дрищем – голова с наперсток, глазки маленькие и выпученные. Разрядилась в меха из мха (чудная! весна же), в густых волосах мелкие желтые цветочки.

– Женщ...

Мать всегда бесились, если ее в очереди называли женщиной, Ленка решила расположить к себе незнакомку наверняка:

– Тетенька, здрасьте!

Та приветливо кивнула, не сбежала, как противный трухлявый гриб.

– Я тут, эта, заблудилась. Немного. Как к деревне выйти? Тетка улыбнулась, похлопала тонкой рукой по цветочной

поляне, приглашая присесть.

– Не, мне, эта, домой надо.

Незнакомка помотала головой и протянула руку.

Ну и ладно. Лужайка – это же не трясина. И она аккуратно шагнула на цветочный ковер, чтобы через секунду оказаться пленницей обманчивой чарусы – топи, заросшей сверху нежными цветами. Тетка кинулась к Ленке, обхватила склизкими, ледяными руками и потащила на глубину. Болотная жижа довольно чавкала, предвкушая вкусное лакомство, а ненормальная глумливо гыгыкала, обнажая маленькие крысиные зубки. Ленка сопротивлялась что есть сил, цеплялась за теткины меха, пока не вырвала из них клочок, заехала кулаком в ее маленький сморщенный лоб, но силы оставляли девчачье худосочное тельце. В горло хлынула болотная протухшая каша, легкие наполнились смрадным запахом. Болотная тварь забавлялась: то утаскивала ее в воду, то выталкивала на поверхность, то рассматривала желтым глазом с вертикальным змеиным зрачком... На краю уходящего сознания Ленка услышала сварливый голос:

– Ах ты, старый, заморочил девчонке голову! А я помело нашла, медвежью лапу приладила покрепче – смотрю, Аука разбросал, обыскался, верно. А ты к Кикиморе болотной свел! Вот как теперь ее утихомирить, жертву почуяла, разошлась! Плакун-травы на горсточку осталось, год дождливый был. Что ж ты за...

И Ленка что есть сил заорала:

– Бааааа!

И подпрыгнула на кровати, уставившись в обгаженный мухами потолок в своей маленькой комнатушке. Ночнуха влажная, но болотиной не воняло. Вокруг пахло обычно – подгоревшей кашей с кухни, табаком из коридора и очистными из форточки. Из пыльного окна вид на детскую площадку с раздолбанными качелями. Ненормальных теток, вредных дедов-грибов и хозяйственных домовых рядом не наблюдалось. И бабушки, которая вкусно готовила и все-все знала про нечисть, – тоже. Лена проверила: несколько раз зажмуривалась и приоткрывала глаза. Ни-че-го!

Она прошлепала босой на кухню и, уставившись в мамкину спину в линялом халате, потребовала:

– Ма, отвези меня к бабушке!

– Ты че, ополоумела, – ответила мать, не оборачиваясь и продолжая скребыхать кастрюлю. – Нет у тебя никакой бабушки. Ясно?

– Есть, – упрямо твердила Ленка.

– Нету. Иди-ка сюда, так и есть – лоб горит. То-то ты дичь несешь! Мигом в кровать, врачуху сейчас вызову.

– Есть. В Лявле живет. Алевтиной Петровной зовут.

– Откуда знаешь? – мать развернулась и буровила дочь подозрительным взглядом.

– Оттуда, – и Ленка вышла из кухни собирать свой чемоданчик, надо как следует собраться. Не забыть резиновые сапоги, неудобно в кроссах по болотам шастать. И подарки: ба-

бушке, домовому, лесавкам. Аука и Кикимора – обойдутся. Этой надо бы как следует в ухо съездить за пакости. Есть у нее одна мысль, как поганку эту болотную проучить. С Вовкой из параллельного сработало, не докапывается теперь, а он – тот еще бугай. Хотя... может, по-другому с ними надо. Бабушка говорит: всякий дух заботу и внимание человечье любит.